

УДК 81'42:82-1.09

Эйгер Г. В.

ФАСЦИНАЦИЯ И ДЕВИАНТНОСТЬ

Статья посвящена исследованию категорий фaszинации и девиантности в их взаимодействии и взаимосвязи. Функционирование этих явлений проиллюстрировано примерами из художественных текстов, текстов песен и текстов перевода. Обозначены значительные перспективы дальнейших исследований фaszинации и девиантности как частично оппозиционных и одновременно взаимосвязанных феноменов.

Ключевые слова: фaszинация, девиантность, художественный текст, перевод, фaszинация авторитетом, автор, читатель.

Эйгер Г. В. Фaszинація і девіантність. – Стаття.

Статтю присвячено дослідженню категорій фaszинації та девіантності в їх взаємодії та взаємозв'язку. Функціонування цих явищ проілюстровано прикладами з художніх текстів, текстів пісень і текстів перекладу. Окреслено значні перспективи подальших досліджень фaszинації та девіантності як частково опозиційних і водночас взаємопов'язаних феноменів.

Ключові слова: фaszинація, девіантність, художній текст, переклад, фaszинація авторитетом, автор, читач.

Eyger G. V. Fascination and deviance. – Article.

The article considers the categories of fascination and deviance in their interactions and relationships. The functioning of these phenomena is illustrated with examples from belles-lettres, lyrics and translated texts. It is marked significant perspectives for further research of fascination and deviance as partly opposite and simultaneously interrelated phenomena.

Key words: fascination, deviance, belles-lettres, translation, fascination by authority, author, reader.

Фaszинация и девиантность как два до некоторой степени полярных феномена нередко связаны, однако рассматриваются обычно порознь. Поэтому цель статьи состоит в анализе их во взаимосвязи и взаимодействии в текстах разных жанров.

Следовательно, объект исследования составляют категории «фaszинация» и «девиантность».

Предметом исследования являются особенности функционирования этих явлений в поэтических, песенных и переводных текстах разных культур.

Под фaszинацией мы понимаем такое воздействие на человека определенных факторов, которые настолько его увлекают и привлекают, что он фокусирует свое внимание именно на них, отвлекаясь от других, иногда довольно существенных параметров текста.

Под девиантностью в данном случае мы имеем в виду всякого рода отклонения от норм и принятых положений, существующих в обществе на конкретном этапе его развития, если это нарушение не является специальным художественным приемом (например, в авангардизме, модернизме и постмодернизме).

Рассмотрим, каким образом фaszинация и девиантность сосуществуют и взаимодействуют в текстах разных жанров.

I. Художественные тексты.

Например, в «Горе от ума» А. Грибоедова анализ показывает временные неувязки в длительности действия. В сценарии и фильме «Семнадцать мгновений весны» есть фактические ошибки и действия, рассматриваемые профессионалами как вряд ли возможные в данной ситуации. Много фактических ошибок в исторических романах. Мало кто из читателей, наверное, задумывался над тем, что Шерлок Холмс в принципе не мог

обладать такими энциклопедическими знаниями, извлекаемыми в нужный момент с поразительной быстротой. Отметим, что автор не претендует при этом на изображение человека со сверхъестественными способностями.

Романы А. Дюма (например, «Три мушкетера») до сих пор пользуются у многих читателей большой популярностью. Эти произведения часто переиздаются, ставятся как спектакли разного жанра; имеются даже продолжения («Дочь д'Артаньяна», 3 том романа «Граф Монте-Кристо»), однако они неудачны и быстро забываются. Между тем в «Трех мушкетерах» изображаются персонажи, фактически отнюдь не безупречные в моральном отношении: д'Артаньян – забияка, для которого жизнь, своя и чужая, немногого стоит, Атос – безжалостный муж, не щадящий собственной жены, Арамис – лицемер, Портос – олицетворение грубой силы и слабого ума. Однако все эти художественные тексты фaszинируют читателей интересным сюжетом, остроумными диалогами, рифмой и тому подобным. Поэтому отмеченные виды девиантности не замечаются вообще (как показали наши опросы) или представляются несущественными.

Особым видом фaszинации является фaszинация авторитетом: читая текст, адресаты не замечают, что часть текста либо весь текст (как правило, краткий) написан слабо по сравнению с предтекстом или другими текстами. Таким образом, авторитет автора подавляет возникающие сомнения.

М. Бахтин в одной из своих работ показывает, как в «Евгении Онегине» А. Пушкина языковые способы изображения становятся предметом изображения. Например, А. Пушкин характеризует поэзию Ленского:

*«Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна».*

Эти образы нельзя понимать как непосредственные образы самого А. Пушкина, поскольку они не имеют поэтического значения. В приведенной строфе звучит голос и стиль самого Ленского, пронизанные иронично-пародийными акцентами автора. Это не первичные способы изображения, а предметы изображения. Романский образ чужого стиля как будто взят А. Пушкиным в «интонационные кавычки», а именно пародийно-иронические [3, с. 119–120].

В книге «Родная речь» П. Вайля и А. Гениса [2] собран целый ряд произведений известных писателей, которые девиантны в том или ином аспекте. Критике они в большинстве случаев не подвергались.

Фасцинация резко усиливается, когда художественные тексты исполняются профессиональными чтецами. Известны случаи, когда люди, мало интересовавшиеся поэзией, стали читать стихотворные произведения после исполнения их такими корифеями, как Е. Шварц, Д. Журавлев, С. Кочарян. Последний, чтобы показать музыку стиха, специально читал отрывок из «Давида Сасунского» на языке оригинала.

II. Тексты песен.

В песнях (особенно удачных) обычно не замечается девиантность текста, например:

*«Приходи, вечор, любимый,
Приголубь и обогрей»;
«Он не покажет виду,
А коль покажет, скажет ему мать».*

В русском языке приводимый фразеологизм имеет только отрицательную форму («не показать виду»).

*«Нет, не солгали предчувствия мне
Нет, не солгали, солгали».*

При повторе обязательно в таких случаях повторять и отрицание.

*«Выйди, милая моя,
Мы простимся с тобой у порога
И, быть может, навсегда».*

И почти сразу далее:
*«Жаркою страстью пылает
Сердце тревожно в груди,
Кто ты? Тебя я не знаю,
Но наша любовь впереди».*

Здесь происходит нарушение логических связей: герой только простился с любимой, но уже думает о другой.

Нарушение канона мы обнаруживаем в мадригале П. Антокольского «Как соловей о розе»:

*«Как соловей о розе
Поет в ночном саду,
Я говорил Вам в прозе,
На песню перейду».*

*Вам песня посвящается,
И Вы смелей ответьте,
Ведь песнею кончается
Все лучшее на свете».*

*Звезда моя, краса моя,
С которой я обвенчан,
Ты лучшая, ты самая
Любимая из женщин».*

*Вам песня посвящается,
И Вы смелей ответьте,
Ведь песнею кончается
Все лучшее на свете».*

Судя по тексту и по той роли, которую эта песня играет в пьесе В. Шекспира, мадригал должен быть обращен не к жене, а к возлюбленной.

По-видимому, к девиантности в текстах песен следует отнести и малоизвестные реалии: «Эй, Баргузин, пошевеливай вал, плыть молодцу недалеко». Как уже отмечалось в критических статьях и как показали наши опросы, многие читатели понимали «Баргузин» как принадлежность к определенному этносу (например, «грузин»), другие недоумевали по поводу значения слова «вал».

III. Тексты переводов.

Здесь сказывается «гипноз оригинала»: «Er ist gestorben» – «Эти три слова». Некоторые фразы при переводе на другой язык в лингвистическом смысле являются безупречными, однако неестественными в данной ситуации: «Вы негодай!» – «Надеюсь, что нет, сэр».

Некоторые аспекты фасцинации могут по разным причинам не срабатывать. Так, И. Ильинский говорил, что его внук, когда ему рассказывали сказку о волке, сказал: «Дедушка, не надо делать как волк, просто рассказывай». По-видимому, ребенок хотел сам представить себе речь волка.

Как-то в центре Москвы на крышах домов появились одна за другой светящиеся красным цветом (по-видимому, для привлечения особого внимания) строки: «Храните каждую копейку в сберегательной кассе! Посещайте лучшие рестораны города Москвы!» Обычно на эти объявления не обращают внимания. Когда мы указали на это своим знакомым, они вчитались и разразились смехом. Такие неудачные тексты объявлений, сообщений, вывесок и рекламы помещаются в украинских («Перець»), российских («Крокодил») и немецких («Titanic», «Eulenspiegel») сатирических изданиях либо в конце еженедельных журналов под различными рубриками: «Страшнее перо не в гусака», «Очепятки», «Нарочно не придумаешь», «Druckteufel», «Hohlspiegel» и другие.

Таким образом, оппозиционные характеристики фасцинации и девиантности проявляются в реализации их функций в текстах различных жанров. Фасцинация выполняет функцию обра-

ния внимания адресата, увлечения его (полезная функция). Девиантность как непреднамеренное нарушение нормы, ошибка в описании реальности выполняет функцию дезориентации адресата (негативная функция). Девиантность портит впечатление от профессионализма текста, если она не погашена значительной степенью фасцинации. В этом смысле фасцинация и девиантность, на

наш взгляд, являются оппозиционными категориями текста, что подтверждается приведенными примерами.

В целом считаем, что тема фасцинации и девиантности имеет значительные перспективы, заслуживает дальнейшего изучения как в аспектном (например, прагматическом), так и в системном (синергетическом) плане.

Литература

1. Антокольский П. Как соловей о розе / П. Антокольский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://a-pesni.org/drugije/hrennikov/kaksolovej.htm>.
2. Вайль П. Родная речь: уроки изящной словесности / П. Вайль, А. Генис. – М. : Независимая газета, 1991. – 96 с.
3. Воропай Т. В поисках себя: идентичность и дискурс / Т. Воропай. – Х. : Харьковский гос. политехнический ун-т, 1999. – 418 с.